

рой, впрочем, в Псковско-Печерском сборнике сохранились начало и конец, буквально совпадающие с издаваемым ниже текстом жития.

Х. М. Лопарев полагал, что найденное им „Слово о погибели руския земли“ представляет собой часть не дошедшей до нас „историко-литературной трилогии“. Эта трилогия, по его мнению, состояла из трех частей: „Слово о погибели руския земли“, „О смерти великаго князя Ярослава“ и „О житии великаго князя Александра“. „Слово о смерти великаго князя Ярослава“ — не дошло; житие Александра Невского сохранилось полностью, а „Слово о погибели руския земли“ — отрывок „исторического сказания о нашествии татар“ (стр. 10), сложенного „в Переяславском княжестве в 30-х годах XIII столетия“ (стр. 11).

Предположение, что „Слово о погибели“ — самостоятельный памятник древне-русской литературы, было поддержано некоторыми исследователями (акад. М. С. Грушевским, М. Г. Халанским, акад. В. М. Истриным и другими).* Акад. В. М. Истрин высказался даже за принадлежность „Слова о погибели“ автору „Моления Даниила Заточника“, основываясь на некоторых сходных выражениях в обоих памятниках. Однако, исследователи жития Александра Невского (В. Мансицка и Н. И. Серебрянский**) допускали, что „Слово о погибели“ — предисловие к житию Александра Невского, а не отрывок самостоятельного произведения.

Вновь найденный список, в котором, как и в Псковско-Печерском сборнике, так называемое „Слово о погибели“ слито с житием Александра Невского, доказывает, что во всяком случае в XVI в. это „слово“ создавалось предисловием к житию, а не самостоятельным произведением. Общее заглавие для всего текста — „Житие блаженнаго великаго князя Александра Невскаго“, киноварное начальное „О“ после заглавия и отсутствие киноварной буквы в первом слове самого жития — показывают, что писец не отделял введения от жития. В стиле этого введения и жития Александра Невского нет таких резких отличий, которые мешали бы рассматривать их как части одного и того же произведения. Вряд ли есть основание соглашаться и с мыслью Х. М. Лопарева о том, что „Слово о погибели“ дошло до нас не в полном виде. Последние строки — „о болезни крестьяном“ как бы предупреждают читателя о главной теме жития Александра Невского — рассказе о том, в каких тяжелых для Русской земли условиях протекала государственная и военная деятельность победителя шведов и немцев и защитника от татарских насилий Александра Невского.

По своему составу (сказание о шести новгородцах-удальцах и о чуде за рекой Ижорой) житие Александра Невского в Гребенщиковском списке примыкает к редакции жития, помещенной в Лаврентьевской летописи. Более точное определение хронологии этой редакции

* М. Грушевський. Нововидані пам'ятки давнього письменства руського. Записки науков. товариства імени Шевченка, т. V, кн. I, Львів, 1895, стр. 1—18; М. Г. Халанский. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. Изв. ОРЯС АН, т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 174—176; В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. ЖМНП, 1905, № 8. Акад. А. И. Соболевский считал „Слово о погибели Русской земли“ и „плач великаго князя Юрия“ отрывками одного дружинного произведения — см. статью „К Слово о полку Игореве“. — Известия ОРЯС АН СССР 1929 г., т. II, вып. 1, стр. 175—177.

** Н. Серебрянский. Слово о погибели руския земли и слово о начале руския земли. Труды Псков. церк.-археол. комитета, т. I, 1910, стр. 176—202; его же. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 151—222. В. Мансицка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 6—11. В полемике принял участие С. Богуславский в рецензии на книгу „Н. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников. 1—V, М., 1910“. Изв. ОРЯС АН, 1910, кн. 3, стр. 335—336.